

«ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ТЕКСТ» В ПОЭЗИИ С. С. БЕХТЕЕВА: ОБРАЗ «ЦАРСКОГО КРЕСТА»

И. С. Урюпин

Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина

Поступила в редакцию 2 августа 2014 г.

Аннотация: в статье в широком историко-литературном и религиозно-философском контексте рассматривается «евангельский текст» поэзии С.С. Бехтеева, выявляется художественная доминанта этого текста, представленная образом «царского креста».

Ключевые слова: С.С. Бехтеев, евангельский текст, библейский текст в русской литературе, царский крест, религиозно-философский контекст.

Abstract: in article in a wide historical and literary and religious and philo-sophical context "the evangelical text" S. S. Bekhteev's poetry is considered, the art dominant of this text presented in the image of "an imperial cross" comes to light.

Key words: S. S. Bekhteev, the evangelical text, the bible text in the Russian literature, an imperial cross, a religious and philosophical context.

В знаменитом стихотворении «Молитва», написанном С. С. Бехтеевым в Ельце в октябре 1917 года и посланном через графиню А.В. Гендрикову великим княжнам Ольге и Татьяне в Тобольск, впервые возникает образ «тяжелого и кровавого» [1, 61] креста, который нес на Голгофу Христос и который было суждено в XX веке пронести российскому императору вместе со всей своей августейшей семьей, названной впоследствии поэтом «Святой Семейей» [1, 63]. Мотив крестного испытания, ниспосланного Богом России, в поэзии С. С. Бехтеева революционной эпохи становится не просто доминирующим, но – в силу своей чрезвычайной важности – даже единственным. Все мысли и устремления поэта оказались направлены на постижение сущности тех апокалиптических событий, что в одночасье разрушили Россию и под ее обломками погребли тысячелетнюю духовную культуру, сформировавшуюся Православием, на которое и был направлен, по замечанию Н. А. Бердяева, главный удар «революции с ее беснованием» [2, 55]. «Духи революции», беснующиеся и бесчинствующие на Русской земле, воплощены в стихах С. С. Бехтеева, они торжествуют «праздник крови и огня», поднимают из адской бездны «волны красные», «клубясь и извиваясь, пляшут пляску» смерти [1, 21].

Воссоздавая символические картины «умирающей» России [3], поэт пытается проникнуть в глубинный смысл происходящих событий, понять их духовно-мистическую суть. Отсюда в стихотворениях С. С. Бехтеева, глубоко религиозного человека, аллюзии и реминисценции из Священного Писания,

которое оказывается для поэта не только и не столько источником образов и ассоциаций, сколько поистине откровением, содержащим ответы на все насущные вопросы современности. Само постижение этих вопросов, какими бы злободневными они ни были, для С.С. Бехтеева немыслимо без обращения к Библии и, прежде всего, к Евангелиям, благовествующим о Спасении, дарованном Христом человеку и человечеству через муки Его и крест. Образ креста становится главным в поэзии С. С. Бехтеева и находит свое художественное воплощение как в эмблематике, так и в сюжетике стихотворений, оригинально интерпретирующих и трансформирующих евангельский текст.

Так, в стихотворении «У Креста» (1921) поэт проецирует революционную современность с ее жестокостью и буйством восставшего против самодержавия народа на события библейской древности, связанные с распятием Христа и политическими волнениями в Иудее.

Шумит народ, тупой и дикий,
Бунтует чернь. Как в оны дни,
Несутся яростные крики:

«Распни Его, Пилат, распни! <...>» [1, 45].

Заявленная в самом начале параллель Христос / император Николай II становится смысловым центром стихотворения, определяющим его лирический сюжет и мотивно-образную структуру, в полной мере соотносимую с евангельским текстом. В Евангелии от Марка сообщается о том, что иерусалимский «народ начал кричать и просить Пилата о том, что он всегда делал для них. Он сказал им в ответ: хотите ли, отпущу вам Царя Иудейского? <...> Они опять закричали: распни Его. Пилат сказал им: какое же

зло сделал Он? Но они еще сильнее закричали: распни Его» [Мк. 15: 8, 13-14]. Этот эпизод в стихотворении С. С. Бехтеева разворачивается в гневный монолог черни, в образе которой одновременно проступает и иерусалимская толпа обывателей, не способная понять и принять явившегося в мир Небесного Царя, и обезумевший в своем революционном неистовстве русский народ, отрекающийся от своего, земного царя – помазанника Божия:

«... Распни за то, что Он смиренный,
За то, что кроток лик Его.
За то, что в благодати презренной
Он не обидел никого.
Взгляни – Ему ли править нами,
Ему ли, жалкому, карать!
Ему ли кроткими устами
Своим рабам повелевать!
Бессилен Он пред общей ложью,
Пред злобой, близкой нам всегда,
И ни за что к Его подножью
Мы не склонимся никогда!» [1, 45].

В символично-аллегорической форме неприятия революционным народом «кроткого», «смиренного», «бессильного пред общей ложью» царя, не способного повелевать своими подданными, нашло отражение скептическое, а порой и откровенно враждебное отношение к политике и личности императора Николая II либеральных и леворадикальных кругов русской интеллигенции, позиция которых была глубоко осмыслена в конце XX века А. И. Солженицыным. Автор эпопеи «Красное колесо», размышляя о феномене последнего русского царя, замечал, что он был «слишком христианин, чтобы занимать трон» [4, 581], «он был человек высоких духовных качеств, исключительно чистый человек. И он был последовательный христианин. Но – да, он не мог держать штурвал России в такие бурные времена, когда швыряет корабль» [5, 178]. Однако «трагедией своей жизни и смерти император искупил свои вольные или невольные, действительные или мнимые вины, ошибки и заблуждения» [6, 449], явившись поистине той искупительной жертвой, что принесла Россия Божьему Агнцу – Христу, своей святой кровью очистившему мир от скверны и указавшему путь к спасению.

В Евангелии от Матфея сказано, что после криков толпы «да будет распят» «Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы. И, отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших» [Мф. 27: 23-25]. С. С. Бехтеев, в точности следуя евангельскому сюжету, представляет вселенский катаклизм («И зло свершилось!»), которому не смог противостоять Иудейский прокуратор («Пилат оправдан и омыт»):

И на посмешище народу
Царь оклеветан... и... убит! [1, 45].

Ритмико-интонационный строй и сама графика бехтеевского кульминационного стиха (многогласие перед возгласом «убит!») совпадает с лермонтовским криком отчаяния в его знаменитом стихотворении «Смерть Поэта»:

Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит! [7, 21].

«Оклеветанный» Царь, как и «оклеветанный» Поэт, удостоился тернового венца (ср. у М. Ю. Лермонтова: «И прежний сняв венок – они венец терновый, / Увитый лаврами, надели на него» [7, 22]), – венца, который, по слову евангелиста Матфея, накануне распятия Спасителя «возложили Ему на голову» [Мф. 27: 29] как символ искупления «грехопадения прародителей» [8, 693]. За грехи русского народа русский царь принял мученический венец и был со-распят со Христом. И потому, убежден С. С. Бехтеев, крестная смерть императора должна побудить русский народ к великому покаянию. В атмосфере революционного мрака («Нависла мгла. Клубятся тени») поэт непрестанно молится о духовном просветлении России и призывает к ее преображению:

Склонись, Россия, на колени
К подножью Царского Креста! [1, 45].

Образ «Царского Креста» станет центральным и в одноименном стихотворении 1922 года, которому поэт предпослал эпиграф из Евангелия от Луки (гл. 22, 61-62): «Яко прежде даже петель не возгласит отвержешься Мене трикраты. ... И изшед вон плакался горько!» [1, 62]. Мотив отречения от Христа одного из самых близких Спасителю апостолов проецируется на современную поэту действительность и соотносится с отречением от русского царя его народа.

Служа Царю беспечно и небрежно,
Ему не жертвуя ничем и ничего,
Любили ль вы Его восторженно и нежно,
Болели ль вы душой всечасно за Него? [1, 62].

Стихотворение С. С. Бехтеева, представляющее собой длинный свиток вопрошаний, адресованных ближним и дальним царя, оставившим его на произвол судьбы в минуту тяжких испытаний («Откликнулись ли вы на Голос благородный...», «Пошли ли вы в поля кровавой брани...», «Вы помогли ль душой и разумом Ему?», «Где были вы?» [1, 62]), вызывает ассоциации со знаменитым «Певцом» А.С. Пушкина («Слышали ль вы за рожей глас ночной...», «Встречали ль вы в пустынный тьме лесной...», «Вздохнули ль вы, внимая тихий глас...» [9, 121]). Поэтическая ипостась певца, характерная для лирического героя многих стихов С.С. Бехтеева, актуализирует образ «Царского гусяря». Так, кстати, назовет поэт книгу своих стихов в 1934 году, в которой со всей очевидностью проявится русский национальный характер и русское национальное мировидение, а сам автор заявит о себе как о певце Святой Руси, хранителе

и продолжателе культурных традиций Отечества. По справедливому замечанию В. К. Невяровича, «Сергей Бехтеев – один из последних русских поэтов-классиков пушкинско-лермонтовского направления» [10, 69]. Верность духовному наследию золотого века русской поэзии, А. С. Пушкину и М. Ю. Лермонтову, для С. С. Бехтеева значила то же, что верность России, национальным корням, истокам.

Вообще верность как нравственная категория неоднократно становилась предметом поэтических рефлексий С. С. Бехтеева, не случайно избравшего себе в эмигрантской печати псевдоним «Верноподданный», а в одном из программных стихотворений заявлявшего: «"Вера и верность!" – вот лозунги наши. / С ними бесстрашно идем мы вперед, / С ними нам легче кровавые чаши / наших страданий, обид и невзгод» [1, 15]. И потому неудивительно, что верность Царю для поэта – главный показатель нравственной состоятельности отдельного человека, «сына Отечества», и всего русского народа – народа-богоносца, забывшего в годы революционного лихолетья о своем высоком духовном предназначении. Отсюда боль и сокрушения поэта в стихотворении «Царский крест» о попрании веры и утрате верности Царю и России. Обращаясь к соотечественникам, лирический герой стихотворения, «Верноподданный» в самом высоком смысле этого слова, скорбит и негодует о равнодушии народа к страданиям своего царя:

Что делали вы все, забыв Его заслуги?
Пытались ли Его из каторги спасти?
Вы помогли ль Ему, как преданные слуги,
Тяжелый Крест по торжищам нести? [1, 63].

Однако все вопрошания поэта остаются без ответа, и в сознании лирического героя стихотворения возникает картина отречения от Христа Его апостола Петра, наполняющаяся новыми смыслами и современными аллюзиями и ассоциациями:

Подсев к костру, вы молча грели руки
И ждали, притаясь, как запоет петух...
И Он погиб, убитый палачами,
Он, шедший в мир для мира и добра [1, 63].

В точности следуя Евангелию («увидев Петра греющегося и всмотревшись в него», одна из служанок первосвященника «сказала: и ты был с Иисусом Назарянином. Но он отрекся, сказав: не знаю и не понимаю, что ты говоришь. И вышел вон на передний двор; и запел петух» [Мк. 14: 67-68]), С. С. Бехтеев представляет не только величайшую трагедию человечества – крестный подвиг Христа и крестную муку русского царя, но и не менее страшную духовно-психологическую драму апостола, не нашедшего в себе силы выступить в защиту Спасителя и глубоко сожалеющего об этом, как будет сожалеть и раскаиваться в своем попустительстве злодеянию большевиков русский народ. В этом у поэта не было ни малейшего сомнения.

А вы! Вы плакали ль бессонными ночами,
Слезам горькими Апостола Петра? [1, 63].

Горькие слезы Петра так трогают сердце и потрясают душу русского человека, что у поэта возникает надежда на искупление вины и Божие прощение, какого удостоился и сам Христов ученик. На это обратил внимание еще А. П. Чехов в рассказе «Студент», главный герой которого, поведавший своим собеседницам историю отречения апостола и его раскаяние («...Петр, взглянув издали на Иисуса, вспомнил слова, которые он сказал ему на вечери... Вспомнил, очнулся, пошел со двора и горько-горько заплакал» [11, 355]), осознал свою собственную причастность к вселенской трагедии («Прошлое, думал он, связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого» [11, 356]). За эту причастность каждому человеку в отдельности и народу в целом предстоит пострадать и страданием смыть свой грех, ибо «нам, русским, послан Крест тяжелый, / И мы должны его влачить» [1, 69].

Мотив искупительного страдания, несения Креста, пронизывающий все стихотворения царской темы («Царский венец», «Николай II», «Письма императрицы», «Благочестивейший», «Царский завет», «За что?» и др.), наибольшей степени художественной суггестивности достигает в произведениях, которым поэт дает одно и то же название – «Царский крест». В стихотворении «Царский крест» 1938 года, посвященном «председателю Союза ревнителей памяти Императора Николая II – В. В. Свечину», по инициативе которого в Париже в храме Александра Невского был установлен Крест-Памятник августейшим мученикам, образ Креста, водруженного на «Голгофу Царского страдания» [12, 118], становится символом победы Добра и Правды Христова учения над злом и ложью антихристового соблазна, распространившегося в России в революционную смуту. «Страдалец русского Престола, Державный Вождь родной страны», как называет поэт императора Николая II, подобно Христу, истинному Царю Царей, пренебрегшему своим царским величием ради спасения человечества, «снял монарший свой венец / И молча, с кротостью смиренной» «Крест на плечи возложил / И дивный подвиг дерзновенный в глазах народов совершил» [12, 118]. Обращаясь к самому императору, с высоты вечности вззирающему на Россию и свой «обезумевший народ», поэт свидетельствует: «злоба буйного восстания / Твоим Крестом побеждена» [12, 118], а значит – сам мученический подвиг царя, предуготованный свыше, есть великая жертва Богу, принесенная русским народом, которому предстоит в XX веке вслед за Царем «стезею Христа» [1, 7] пройти свой крестный путь.

Вера в русский народ, названный когда-то Ф. М. Достоевским богоносцем, для С. С. Бехтеева во дни испытаний и национальных потрясений не только не оскудевала, но, напротив, усиливалась и крепла.

«Среди скорбей, среди невзгод, / Всегда я помню мой народ» [1, 98], – с гордостью говорил поэт в стихотворении «Мой народ» (1937). При этом С. С. Бехтеев, как и И. А. Бунин, различавший в эмиграции Россию – «ту, что предала Христа за тридцать сребренников, за разрешение на грабеж и убийство и погрязла в мерзости всяческих злодеяний и всяческой нравственной проказы» и «другую, подъяремную, страждущую, но все же до конца не покоренную» [13, 408] – «Христову Россию» [13, 413], различает и русский народ: «... тот народ, что ближним мстит, / Громит, кощунствует, хулит, / Сквернит святыни, нагло лжет, / Льет кровь, насилует и жжет» [1, 98], – и другой народ, который он называет «святым народом», ибо он «крест безропотно несет, / В душе печаль свою таит, Скорбит, страдает и молчит» [1, 98]. Этот «святой народ», уста которого «взывают к милости Христа / И шепчут с крестного пути: “Помилуй, Господи, прости”» [1, 98], очень скоро, убежден поэт, «начнет зализывать ... свои дымящиеся раны», «вспомнит набожных Царей, / их правду, милость и смиренность, / И проклянет поводырей / Богопротивного движения» [1, 101]. Но все это – в грядущем. «Грядущее» (1927) – одна из тех поэтических деклараций С. С. Бехтеева, что вдохнула силы в оторванную от России эмиграцию, отчаявшуюся вернуться на родину и впавшую в тяжелейший духовный кризис. Слова поэта – «Гляжу спокойно вдаль веков, / Без сожаленья и боязни» [1, 100], рефреном звучащие в финале стихотворения («Гляжу спокойно в даль веков, / Без опасений и без страха» [1, 101]) – становятся символом веры русских людей за пределами Отечества, чающих «чуда обновления и Воскресения духа народного» [14, 515], о котором мечтал С. С. Бехтеев: «Кается народ подневольный, обездоленный, кается в прегрешениях своих, словом и делом содеянных, и прощаются ему грехи многие за страдание его великое, за горе его неизбывное» [14, 515], за крестный путь, который русский народ достойно прошел в XX веке.

Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина

Урюпин И. С., доктор филологических наук, заведующий кафедрой русской литературы XX века и зарубежной литературы

E-mail: isuryupin78@mail.ru

Крест народный и крест царский суть Христов испуительный крест, в благоговении перед которым русский поэт С. С. Бехтеев молится за Россию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бехтеев С. Царский крест [Текст] / С. Бехтеев. – М. : Достоинство, 2011. – 112 с.
2. Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции / Н. А. Бердяев. – М. : Канон+, 1998. – 400 с.
3. См. подробно: Урюпин И. С. Образ «умирающей» России в поэзии С. С. Бехтеева 1917–1920-х годов / И. С. Урюпин // Вера и верность: сборник статей памяти Сергея Бехтеева. – Елец : ЕГУ им. И.А. Бунина, 2012. – С. 96–104.
4. Солженицын А. И. Красное колесо: В 10 т. / А. И. Солженицын. – М., 1993. – Т. 7.
5. Солженицын А.И. Публицистика: В 3 т. / А. И. Солженицын. – Яро-славль, 1996. – Т. 3.
6. Боханов А. Н. Николай II / А. Н. Боханов. – М. : Молодая гвардия – ЖЗЛ; Русское слово, 1997. – 446 с.
7. Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. / М. Ю. Лермонтов. – М. : Худож. лит., 1983. – Т. 1. Стихотворения. – 446 с.
8. Библийская энциклопедия / Сост. архим. Никифор. – Репринт. изд. – М. : ТЕРРА, 1990. – 902 с.
9. Пушкин А. С. Собр. соч.: в 5 т. [Текст] / А. С. Пушкин. – СПб. : Биб-лиополис, 1993. – Т. 1. Стихотворения 1813–1836. – 600 с.
10. Невярович В.К. Сергей Бехтеев – русский национальный поэт / В. К. Невярович // Вера и верность: сборник статей памяти Сергея Бехтеева. – Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2012. – С. 63–71.
11. Чехов А. П. Собр. соч.: В 6 т. / А. П. Чехов. – М. : Лексика, 1995. – Т. 3. Рассказы 1888–1903. – 672 с.
12. Бехтеев С. С. Грядущее: Стихотворения / С. С. Бехтеев. – СПб., 2004. – 448 с.
13. Бунин И. А. Собр. соч.: В 6 т. [Текст] / И.А. Бунин. – М. : Сантакс, 1994. – Т. 6. – 416 с.
14. Дунаев М. М. Православие и русская литература: В 6 ч. / М. М. Дунаев. – М.: Христианская литература, 2000. – Ч. VI.

*Yelets State University named after I. A. Bunin
Uryupin I. S., Doctor of Philology, Head of Russian Literature
of the XX Century and Foreign Literature Department
E-mail: isuryupin78@mail.ru*